

Георгий Адамович – Зинаида Гиппиус: философский диалог в письмах

О. Р. Демидова

*Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

Введение. Материалом для статьи послужила переписка двух известных представителей отечественной литературы: Г. В. Адамовича и З. Н. Гиппиус, продолжавшаяся с 1925 по 1941 гг. и отличавшаяся как подчеркнутой литературностью, так и высокой степенью философичности. Предметом непосредственного анализа являются письма 1926–1927 гг., рассматриваемые в рамках герменевтической теории.

Содержание. Указанный период – пик эпистолярного общения Адамовича и Гиппиус. В эти же годы их переписка приобретает выраженно философический характер: в письмах, наряду с собственно литературными, обсуждаются различные этические, эстетические, экзистенциальные темы и проблемы, актуальные для русской эмиграции: проблемы веры, греха, любви, творчества, доверия, осмысления и переосмысления отечественного культурного наследия. Центральной является проблема понимания, в соответствии с чем обсуждение ведется по принципу герменевтического круга, хотя соответствующая терминология участниками переписки не употребляется. Диалог развивается в пространстве единого для участников переписки широкого общекультурного дискурса, охватывающего как российскую культуру XVIII – начала XX вв., так и европейскую культуру от античности до современной собеседникам эпохи, что обуславливает многообразие проблематики и значительный потенциал понимания, задавая определенные горизонты ожидания с обеих сторон.

Выводы. Предпринятый в статье анализ позволяет сделать вывод о том, что высокий уровень философствования в переписке Адамовича и Гиппиус 1926–1927 гг. был обусловлен сопоставимостью горизонтов обеих сторон, двигавшихся навстречу друг другу и стремившихся к единому смысловому центру. Изменение вектора движения привело к ослаблению философской составляющей эпистолярного диалога, а со временем – к превращению его в обмен информацией о событиях литературной жизни.

Ключевые слова: эпистолярный диалог, письмо, философский горизонт, взаимопонимание, откровенность, доверие, дискурс.

Для цитирования: Демидова О. Р. Георгий Адамович – Зинаида Гиппиус: философский диалог в письмах // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – 2023. – № 3. – С. 106–117. DOI: 10.35231/18186653_2023_3_106. EDN: PHMIFS

Georgy Adamovich – Zinaida Gippius: An Epistolary Philosophical Dialogue

O'lga R. Demidova

*Pushkin Leningrad State University,
Sankt-Peterburg, Russian Federation*

Introduction. The article is based on the correspondence between two outstanding Russian literary figures, G. V. Adamovich and Z. N. Gippius, which lasted since 1925 through 1941 and was not only literary but also philosophical. The object of the immediate analysis based on hermeneutical theory is formed by 1926–1927 letters.

Content. The said period constitutes the highest point of the correspondence between Adamovich and Gippius during which it acquires an expressly philosophical character, the participants discussing both literary and ethical, aesthetic, existential problems important for Russian emigration, such as faith, sin, love, creative activity, trust, evaluating and re-evaluating Russian cultural heritage. The central problem is that of understanding, this fact causing the turn to the hermeneutical circle mechanism, even though neither of the two uses hermeneutical terminology. The epistolary dialogue is carried out within a representative cultural discourse space mutual for the two and embracing both Russian 18th – early 20th culture and European one from the antiquity to the modernity. This conditions the variety of problems under discussion as well as the high potential of possible understanding on both sides.

Conclusions. Relying on the undertaken analysis, the author argues that the high philosophizing level in Adamovich – Gippius's epistolary 1926–1927 dialogue was conditioned by the compatibility of the both participants' horizons moving towards each other and heading for the mutual semantic and conceptual center. With the vector changed, the philosophical constituent of the dialogue lessened, the correspondence becoming mere exchange of information concerning the events of literary life.

Key words: epistolary dialogue, letter, philosophical horizon, mutual understanding, frankness, trust, discourse.

For citation: Demidova, O. R. (2023) Georgij Adamovich – Zinaida Gippius: filosofskij dialog v pis'makh [Georgy Adamovich – Zinaida Gippius: An Epistolary Philosophical Dialogue]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina – Pushkin Leningrad State University Journal*. No. 3. Pp. 106–117. (In Russian). DOI: 10.35231/18186653_2023_3_106. EDN: PHMIFS

Введение

В 1951 г., оценивая творческое наследие З. Гиппиус, Г. Адамович утверждал, что при всем многообразии ее дарований, «отчетливее, сильнее всего талант Зин. Гиппиус, “единственность” ее личности – как выразился в дневнике своем Блок – запечатлены не в стихах, не в рассказах, не в статьях, а в частных ее письмах», которых «написала она <...> за свою жизнь великое множество» [1]. По мнению Адамовича, если со временем «эти бесчисленные письма будут собраны, разобраны и обнародованы в десятках томов, вклад в нашу словесность окажется бесценный, и панорама русской литературной жизни за полвека будет необычайно широка и ярка» [1]. Через четыре года это утверждение с некоторыми разночтениями вошло в посвященную Гиппиус главу итоговой книги Адамовича об эмигрантской культуре «Одиночество и свобода» [2, с. 150].

В обоих текстах Адамович отмечает присущую письмам Гиппиус литературность, не считая ее, впрочем, недостатком, но полагая, что именно эта особенность сближает эпистолярный стиль Гиппиус с эпохой расцвета эпистолярия и с его лучшими образцами, оставленными французскими авторами XVII и XVIII столетий. При этом Адамович не указывает другого типичного свойства писем Гиппиус – их **философичности**, не только являющейся продолжением известной культурной традиции, но и отражающей одну из основополагающих ценностных установок Гиппиус, неизменно утверждавшей, что «химически чистого искусства не бывает». Между тем переписка самого Адамовича с нею является ярким примером переплетения жизненных, литературных и философских сюжетов в их неразрывности и взаимной обусловленности.

Содержание исследования

Поводом для начала переписки послужил опубликованный в разделе «Литературные беседы» парижского журнала «Звено» [1925. – 22 июня. – № 125. – С. 2] отклик Адамовича на первый том мемуарной книги Гиппиус «Живые лица», вышедшей в пражском издательстве «Пламя» (1925). В своем тексте Адамович совершил невольную ошибку: не зная, что издание двухтомное, он отметил лишь те разделы, которые вошли в первую книгу, что вызвало неудовольствие Гиппиус, о чем

она и написала молодому критику в конце июня или начале июля 1925 г. К сожалению, это письмо не сохранилось, и корпус дошедшей до нас переписки открывается кратким письмом Адамовича от 7 июля 1925 г., в котором он приносит извинения автору воспоминаний за допущенную неточность и отвечает на замечания Гиппиус, касающиеся ряда выраженных в его статье оценок. Установившиеся эпистолярные отношения с различной степенью интенсивности продолжались без малого два десятилетия и завершились открыткой от 19 декабря 1941 г., в которой Гиппиус благодарила Адамовича за письмо с соболезнованиями в связи с кончиной Д. Мережковского. Полный опубликованный корпус сохранившейся переписки состоит из ста двадцати семи писем и открыток [5, с. 641–814].

Пик переписки приходится на июль 1926 – сентябрь 1927 гг., и именно в этот период наиболее высока необходимая для успешного диалога степень заинтересованности его участников в продолжении разговора и их готовность преодолевать неизбежные семиотические барьеры¹, вызванные разницей возраста, жизненного опыта, типов личности и ценностных установок. В эти же месяцы переписка по обоюдной договоренности ее участников приобретает выражено философический характер, который неоднократно подчеркивается каждой из сторон (см. письма Адамовича от 2 и 10 августа 1927 г.: «Вот, дал себе слово поубавить философии, а опять впадаю в нее»; «Наша философская переписка расплылась на множество “подсекций” и частью перестала быть философской»). В письме от 22 июля 1927 г. Адамович называет их эпистолярный диалог «перепиской из двух углов», на что Гиппиус отвечает 24 июля 1927 г. риторическим вопросом: «Чем мы хуже Гершензона с Вячеславом Ивановым?» [5, с. 677, 681].

Несмотря на исходную установку обеих сторон на доверительные отношения равных, узнающих свои мысли в тексте собеседника и откликающихся на них, обсуждение в большинстве случаев разворачивается в соответствии с античной традицией философского диалога как беседа между наставником и учеником, складывающаяся в последовательно линейном режиме «вопрос – ответ – реакция на ответ – углубление и расширение темы – резюме – новый вопрос». Распределение ролей по умол-

¹ Подробнее о них как об условии возможности диалога см. [6, с. 268–269].

чанию основано на статусе участников переписки в литературной иерархии эмиграции: Адамович – молодой поэт, в России получивший известность как ученик Н. Гумилева, начинающий свой путь эмигрантского литератора; Гиппиус – прославленный российский литературный деятель, одна из ключевых фигур русского символизма («старших символистов»), жена Д. Мережковского, организатор знаменитых петербургских религиозно-философских собраний.

Круг (религиозно-)философских тем и проблем, к которым обращаются участники переписки, достаточно широк и разнообразен, однако центральной, структурообразующей, как представляется, следует считать проблему понимания в самом широком ее аспекте, задающую вектор и тональность обсуждения конкретных сюжетов и вопросов: о стыде, о вере, о грехе и воздаянии, о любви, о смерти, о человеке, о ценностях, о Христе¹ и многом другом.

Адамович в первый раз касается философской тематики и, в частности, проблемы понимания в письме от начала августа 1926 г., ср: «Почему “люди лучше ангелов”, по Соловьеву? Мне бы хотелось знать, так ли я *догадываюсь* об этом, как решает Соловьев? К стыду своему, я ничего его не читал» [5, с. 648; курсив мой – О. Д.]. Вопрос Адамовича совершенно очевидно вызван статьей Гиппиус «О любви», опубликованной в парижской эмигрантской газете «Последние новости» в июне – июле 1925 г. Анализируя пять путей любви, рассмотренных Вл. Соловьевым в цикле «Смысл любви» (1892–1894), Гиппиус пишет, что Соловьев расценивал путь полного отречения от Эроса, аскетизма, христианского монашества, «как “ангельский”, подчеркивая, что и он не соответствует человеческому достоинству в полноте, ибо “человек” – выше ангела (потенциально)» [3, с. 438].

¹ Например, развернутое во встречных письмах Адамовича от 13–14 и Гиппиус от 15 августа 1927 г. обсуждение вопроса о том, смеялся ли Христос, начатое вспомнившейся Адамовичу фразой «Христос никогда не смеялся» из доклада В. Розанова «О сладчайшем Иисусе и горьких плодах мира», представленного на собрании Религиозно-философского общества 21 ноября 1907 г. Разговор начинается с вопроса Адамовича об авторстве фразы, сопровождающегося рассуждением о том, что, если бы Христос «звонко расхохотался» или «залился серебристым смехом», это было бы «хуже и оскорбительнее всего, что можно о нем представить <...> Христос в крайнем случае мог улыбаться – да и то “печально”. Иначе все рухнет и летит к черту, все Евангелие». В ответном письме Гиппиус с некоторыми оговорками принимает толкование Адамовича, утверждая, что взгляд на понимание христианства у него правильный, «т. е., фактически (или “исторически”) верный» и называя его «типичным “христианином”» «по материи или по “уклону”» [5, с. 703, 707].

Адамович в своем вопросе заменил «выше» на «лучше»¹, что вполне могло быть расценено Гиппиус либо как непонимание, либо как намеренное искажение смысла, заложенного в обоих текстах – и Соловьева, и ее собственном. Ответное письмо Гиппиус не сохранилось, однако свое мнение по поводу затронутой Адамовичем проблемы она высказала и в письме другому корреспонденту – Ю. Иваску от 17 июля того же года: «Человек в потенции выше ангелов, именно потому, что ему дано все познать и возвыситься *через все*, а не мимо, стороной, все обойти; ему дано *стать собой*» (цит. по: [5, с. 648]; курсив Гиппиус – О. Д.).

В переписке с Адамовичем первое письмо Гиппиус с философской составляющей датировано 30 июля 1926 г.² В нем Гиппиус разграничивает «первую» (сугубо материально-бытовую) и «вторую» (духовную) реальности, после чего, следуя принципам своей эпистолярной стратегии³, предлагает вниманию Адамовича вертикальную шкалу уровней («этажей») основанного на «откровенности», т. е., на открытости Другому, понимания, которой она намерена придерживаться в их диалоге. Весьма примечательно, что, по мнению Гиппиус, возможности понимания как таковые беспредельны, но в каждом случае ограничены готовностью противоположной стороны к нему. «Я очень люблю быть откровенной, но считаю, что это *не нужно* (в большинстве случаев) с другими. И ограничиваюсь собой, т. е. правдой, иногда и в 7 этажей, и не о себе только, но обо всех и обо всем, насколько могу ее доискаться. <...> Не принимаете ли вы четвертый этаж за седьмой? А если 5 и 6 свои <...> свойства имеют?» [5, с. 646, 647].

По существу Гиппиус с самого начала вводит в переписку герменевтическую проблематику, говоря о герменевтическом круге, о «горизонтах» обоих участников и о собственном горизонте ожидания, хотя и не использует собственно герменевтической терминологии. Она надеется обрести в Адамовиче желаемого имплицитного читателя-собеседника, с которым

¹ Примечательно, что эту замену он сохранил и в письме от 6 августа 1927 г., продолжая полемику с Гиппиус по поводу фразы «человек – это гордо», ср.: «Тут надо впутать слово "ангел", которое для Вас, конечно, не комплимент, раз по Соловьеву человек *лучше* ангела» [5, с. 693; курсив мой – О. Д.].

² Как поясняют публикаторы в примечании, дата указана не автором письма, а Адамовичем, и сопровождается знаком вопроса; кроме того, и содержание письма позволяет отнести его к более позднему времени, когда между участниками переписки установились достаточно доверительные отношения; однако при публикации было сохранено это хронологическое указание как единственное известное [5, с. 647].

³ Подробнее об эпистолярных стратегиях Гиппиус см.: [4].

можно говорить предельно откровенно, без препятствующих пониманию дискурсивных зазоров, лишь намечая мысль, «полудописывая», поскольку «не для “читателя” же пишу, а для вас, значит, можно и полудописанное» [5, с. 664]. Это – тот случай, когда недоговоренность, умолчание, вопреки обыкновению, не ведет «в пространство безмолвия» [7, с. 64], но включает «эстетическое бессознательное» (термин Ж. Рансьера, [8]), которое, благодаря функциональной специфике дискурса¹, общего для обоих собеседников, обуславливает полноту понимания². В письме от 15 августа 1927 г. Гиппиус признается: «В первый раз чувствую, что с вами можно (я могу) говорить не для вас, а и для себя тоже. <...> я вас слышу <...> вы слышите меня. И не оттого, что я “хорошо говорю”, а потому, что у вас есть свойство слышать то, что я говорю» [5, с. 705].

Тем не менее, хотя в главном «горизонты» участников переписки были вполне сопоставимы, полного совпадения не получалось, что нередко вызывало у Гиппиус досаду; см. письмо от 10 июня 1927 г.: «А вообще – как люди разно читают одно и то же! У меня впечатление, что, например, в “Теургии” Белого вы не усмотрели центра и выбросили его с ненужным, оставив другое, что выбросила я» [5, с. 669; курсив Гиппиус – О. Д.].

Поводом для этого умозаключения послужил пассаж из доклада Адамовича «Есть ли цель у поэзии» на заседании «Зеленой лампы»: «Говорят, дело поэзии – молитва. На это ответим: не надо играть словами. Молитва кому? Молиться и писать стихи – два разных дела» (Новый корабль. – 1928. – № 4. – С. 49, цит. по: [5, с. 670]). Фраза о поэзии как молитве – аллюзивная отсылка к известной статье Гиппиус 1908 г. «Нужны ли стихи», в которой она утверждала, что поэзия есть «одна из форм, которую принимает в человеческой душе молитва» [5, с. 669]. Возражая Адамовичу в письме от 10 июня 1927 г., Гиппиус раздраженно пишет: «Я говорила об известном состоянии души <...> а вы – “кому?” Если Вас смутило слово <...> – оставьте его, понимайте “вдохновенье”, будет то же, а если мне это слово не нравится – тут дело привычных вкусов» [5, с. 669]. Однако 18 июня она пишет, что, хотя Адамович не вполне понимает ее точку зрения, «это глубоко

¹ Подробнее о функциональной парадигме дискурса см.: [9, с. 137–143].

² Правда, дальше Гиппиус выдвигает Адамовичу соответствующее условие, оставляя, впрочем, за собой право его при необходимости нарушать: «Попробуйте написать письмо без неприятного сжатия за словами. И я так же просто отвечу, смотря по своим “обстоятельствам”» [5, с. 647].

не важно, а важно и верно то общее, про баловство и насчет игры словами. Здесь я вам весьма сочувствую» [5, с. 671].

Разговор о молитве продолжается в письме Адамовича от 21 или 22 июля (датировка Адамовича – О. Д.) в связи с обсуждением проблемы болезни как вины: «Конечно, “болезнь – вина”¹, я не сомневаюсь. Т. е. не болезнь, а разговор об этом с другими. (Впрочем, как и молитва: слабость, т. е. унижительно, т. е. нельзя признаваться)» [5, с. 677]. В ответном письме от 24 июля Гиппиус возражает ему, добавляя к паре «болезнь – вина» еще одно понятие – «грех» как «tare» (изъян – О.Д.) и разворачивая мысль к концепту целомудрия через концепт стыда от противного: «Можно стыдиться греха и даже считать его унижительным, но ведь это все в другом порядке; то же, о чем вы говорите (недаром соединили тут с молитвой), называется целомудрием и вытекает из тонкого – непременно тонкого! – ощущения праведной человеческой самости» [5, с. 680]. Частично согласившись с Гиппиус («Что в молитве требуется доза целомудрия – я согласен»), Адамович поясняет намек, сделанный в предшествующем письме, выводя из него умозаключение, радикально противоречащее мысли Гиппиус: «Молитва – слабость, “что-то надо мной”, откуда я хочу помощи, бессилие. Оттого “стыдно” – и уж этот стыд едва ли целомудрен. Скорей, насколько бы ни различались религии и типы, – это “бесовская гордыня»» [5, с. 683; письмо от 26 июля 1927 г.]. В письме, написанном на следующий день, Гиппиус выходит из роли равноправного собеседника (впрочем, не в первый раз²) и обращается к Адамовичу с речью доброго наставника, направляющего мысль ученика в нужное русло: «Неужели мне поверить, что вы искренно будете повторять подобные затхлости, вроде “человек – это гордо” или размазывать, после Шеллинга, Ницше, после Вейнингера и Вл. Соловьева, “высокую” идею богоборчества, да еще в таких “общедоступных” тонах? <...> эти “гордости”» (демонические и всякие другие, того же пошиба) кажутся мне какими-то детскими штанишками. <...> Я действительно думаю, что больше силы в признании своей

¹ Отклик на пассаж в письме к нему Гиппиус от 19 июля 1927 г. с упреками Адамовичу по поводу его жалобы на «расслабление», вызванное плохим самочувствием: «Я смотрю на свою хворобу, на то, что похудела, как нитка, и ничего не ем, – как на “вину” (кто это сказал, что болезнь – “вина”?)» [5, с. 675].

² См. начало письма Адамовича от 26 июля 1927 г. – ответного на письмо Гиппиус от 24 июля: «У Вас тон ко мне, будто у “духовного отца” к грешнику или заблудшей овце: строгий, укорительный и наставительный» [5, с. 682].

слабости, чем в упорном ее отрицании. Больше силы в откровенном искании помощи, чем в ее “гордом” отвержении. <...> Я бы еще поняла если бы вы сказали, что не “человек – это гордо”, а “человек – это скучно” (да и то неправда)» [5, с. 684–685, 686].

Гиппиус намеренно снижает заданный в письме Адамовича эстетический и стилевой посыл, сводя его к «простодушью» известной горьковской фразы, что не могло не задеть Адамовича, поскольку в аксиологической и эстетической парадигме их с Гиппиус круга отношение к Горькому – писателю и человеку – было откровенно пренебрежительным. Отвечая ей, Адамович выражает вполне справедливое недоумение и очевидное разочарование той прямолинейностью, с которой Гиппиус восприняла его мысль: «Неужели Вы могли думать, что всю ту популярную философию, которую я Вам развел в прошлом письме, – “человек – это гордо”, “разум и прогресс” – все это я подношу Вам наивно и простодушно, по-горьковски? И неужели Вам не кажется, что это (т. е. “гордо” и проч.) можно повторить как величайшую и спорную дерзость, после всех Соловьевых, в тоне “quand même!” (вопреки всему – О. Д.), наперекор всему очевидному, вообще подать руку Вольтеру с другого берега, над пропастью или лужей, в которой все Соловьевы будут беспомощно барахтаться?» [5, с. 688–689].

В этой полемике, продолжавшейся и в последующих письмах¹, отчетливо обозначились границы возможного понимания, тот предел, за которым встречное движение двух «горизонтов» должно было смениться их расхождением, если не полным отторжением друг от друга. Со временем это несоответствие становилось все более очевидным. Уже 2 сентября 1928 г. Адамович с сожалением констатирует: «Наша переписка что-то не ладится в этом году, – т. е. не сбивается на “интересное”². Нельзя же считать интересным то, что было до сих пор, – не то упреки, не то “пикировку”» [5, с. 735]. А через год, 2 сентября 1929 г., объясняя, почему решил не отправлять написанное письмо, прибегает к достаточно прозрачной «фи-

¹ Адамович – Гиппиус от 6 и 10 августа; Гиппиус – Адамовичу от 4 и 8 августа [5, с. 690–696].

² Полемика по поводу понимания «интересного» разворачивается в письмах Адамовича от 10 августа [5, с. 697–698] и Гиппиус от 12 августа 1927 г.; в последнем выражено понимание ею «интересного»: «Интересного необыкновенно много, и оно всех бывает размеров, всех состояний: и Бог, и дьявол, и собачка, и поросенок... Очевидно, решается это тем, какой Бог, какая собачка, какой дьявол, какое событие, какое слово. Ну и “когда” тоже» [5, с. 699–700].

лософской» метафоре: «Мне не интересно говорить с Кантом или Платоном, если нет надежды их убедить» [5, с. 756].

В свою очередь, Гиппиус 14 октября 1930 г. поясняла, что смотрит на человека, в том числе, и на Адамовича, и видит его «где-то на его линии между его “ослепительностью” и его “погасанием”», следя за тем, в какую сторону он движется [5, с. 785]. И хотя на рубеже 1931–1932 гг., когда невозможность сохранить философскую составляющую переписки стала очевидной, оба они писали, что хотели бы быть друг для друга не только «литераторами»¹, возникший дискурсивный зазор оказался непреодолимым: собеседники перестали «слышать» друг друга, в результате чего отвечали на предложенную для обсуждения мысль «невпопад» [5, с. 688] или не отвечали совсем. См., например, оставшийся без ответа вопрос-посыл Адамовича в письме от 21 сентября 1929 г.: «Затем еще вопрос, уже позвольте мне из моего любопытства к Вашему мировоззрению, а не обратно: за что Бог наказал Адама и Еву – за то, 1) что они его послушались? или 2) именно и особенно за то, что вкусили от древа познания? Это крайняя и глубочайшая разница, с выводами не всю историю...» [5, с. 757]. Постепенно их переписка утратила философичность, сосредоточившись на бытовых и литературно-бытовых темах, а через некоторое время и совсем прекратилась. В письме от 4 сентября 1933 г. Гиппиус вынуждена была признать: «Конечно, мы контакт потеряли. <...> Да, очень трудно “сообщаться” человеку с человеком. Святые, пожалуй, правы, что каждый из них общался с Богом, а с людьми молчал. Бог-то уж наверно поймет, и не как-нибудь, а как надо» [5, с. 808, 809].

Выводы

Опыт философской переписки Георгия Адамовича и Зинаиды Гиппиус, среди прочего, свидетельствует о динамической природе горизонта понимания, осциллирующего на границе своего и чужого и определяющего глубину понимания в пределах заданного дискурса. Период максимальной сопоставимости двигавшихся друг навстречу другу и к единому смысловому

¹ См. письмо Адамовича от 31 декабря 1931 г.: «У меня нет желания быть с Вами только литератором, – если Вы это хотите допустить» и ответное письмо Гиппиус от 4 января 1932 г.: «Вы прекрасно знаете, что это у меня давно не было желания, чтоб вы были со мной “только литератором”. Если у вас оно, наконец, исчезло, – в добрый час» [5, с. 803].

центру горизонтов обусловил максимальную интенсивность и обоюдную доверительность переписки, а равно и высокий уровень философствования, в ходе которого каждый из участников эпистолярного диалога получил возможность мыслить и выражать себя предельно свободно и сосредоточенно, не отвлекаясь от «предмета разговора», поскольку собеседнику, по метафорическому определению Гиппиус, были «знакомы многие края», что позволяло «их не описывать, если зайдет речь, а только называть» (письмо от 15 августа 1927 г.) [5, с. 705, 706].

Очевидно, что глубина и открытость диалогического общения основывались на высокой степени пред-понимания, обусловленного принадлежностью участников переписки к единой культурной традиции, ценности которой оба разделяли в главном, что делало возможным достаточно адекватный «перевод» себя на язык другого, избегая дискурсивных зазоров, не впадая ни в пустую болтовню, ни в безмолвие¹. Начавшееся осенью 1927 г. центробежное движение горизонтов привело к существенному ослаблению философской составляющей эпистолярного диалога высокого духовного и интеллектуального порядка, со временем превратившегося в обыденный обмен информацией о событиях литературной жизни.

Список литературы

1. Адамович Г. В. Письма З. Н. Гиппиус // Новое русское слово (Нью-Йорк). – 1951. – № 14150. – С. 8.
2. Адамович Г. В. Одиночество и свобода / сост., послесл., примеч. О. А. Коростелева. – СПб.: Алетейя, 2002. – 476 с.
3. Гиппиус З. Н. Мечты и кошмар (1920–1925) / сост., вступ. статья, коммент. А. Н. Никулюкина. – СПб.: Росток, 2002. – 560 с.
4. Демидова О. Р. Эпистолярные стратегии Зинаиды Гиппиус: публичное и приватное // Круг Мережковских: К 150-летию со дня рождения З. Н. Гиппиус: сб. ст. / ред.-сост. Е. А. Андрущенко. – М.: ИМЛИ РАН, «Дмитрий Сечин», 2021. – С. 287–304.
5. Литературное наследство. Том 106: Эпистолярное наследие З. Н. Гиппиус. Кн. 2 / отв. ред. О. А. Коростелев, М. Л. Спивак; сост. Н. А. Богомолов, М. М. Павлова. – М.: ИМЛИ РАН, 2021. – 944 с.
6. Лотман Ю. М. Семиосфера. – СПб.: Искусство-СПб, 2000. – 704 с.
7. Михайлова М. В. Эстетика молчания: Молчание как апофатическая форма духовного опыта. – СПб.: РХГА, 2009. – 320 с.
8. Рансьер Ж. Эстетическое бессознательное / сост., пер. с франц. и послесл. В. Е. Лапцего. – СПб.; М.: Machina, 2004. – 128 с.
9. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. – М.: Academia-Центр; Медиум, 1995. – 416 с.

¹ Подробнее о безмолвии и болтовне см. [7, с. 107–114, 137–144].

References

1. Adamovich, G. (1951) Pis'ma Z. N. Gippius [Z. N. Gippius's Letters]. *Novoe russkoe slovo (Nju Jork)* [New Russian Word (New York)]. No. 14150. P. 8. (In Russian).
2. Adamovich, G.V. (2002) *Odinachestvo i svoboda* [Loneliness and Freedom]. Sost., poslesl., primech. O. A. Korosteleva [comp., ed., comment. by O. A. Korostelev]. Sankt-Peterburg: Aleteia. (In Russian).
3. Gippius, Z. N. (2002) *Mechty i koshmar (1920–1925)* [Dreams and Nightmare (1920–1925)]. Sost., vstup. statja, comment. A. N. Niroliukina [comp., ed., comment. by A. N. Nikoliukin]. Sankt-Peterburg: OOO Izdatel'stvo "Rostok". (In Russian).
4. Demidova, O. R. (2021) Epistoliarnye strategii Zinaidy Gippius: publichnoe i privatnoe [Zinaida Gippius's Epistolary Strategies: The Public and the Private]. *Krug Merezhkovskikh: K 150-letiyu so dnyaa rozhdeniya Z. N. Gippius: Sbornik statej. Red.-sost. E. A. Andrushenko* [The Merezhkovsky's Circle: To Z. Gippius's 150th Anniversary. Comp. and edit. by E. A. Andrushenko]. Moskva: IMLI RAN. Pp. 287–304. (In Russian).
5. Korostelev, O. A., Spivak, M. L. (2021) (eds.) *Literaturnoe nasledstvo. Tom 106: Epistoliarnoe nasledstvo Z. N. Gippius. Kn. 2. Otv. red. ; sost. N. A. Bogomolov, M. M. Pavlova* [Literary Heritage. Vol. 106. Z. N. Gippius's Epistolary Heritage. Vol. 2.; comp. by N. A. Bogomolov, M. M. Pavlova]. Moskva: IMLI RAN. (In Russian).
6. Lotman, Yu. M. (2000) *Semiosfera* [Semiosphere]. Sankt-Peterburg: Iskusstvo-SPb. (In Russian).
7. Mikhailova, M. V. (2009) *Eстетика molchaniya: Molchanie kak apofaticheskaya forma dukhovnogo opyta* [The Aesthetics of Silence: Silence as an Apogatic Form of Spiritual Experience]. Sankt-Peterburg: RKHGA. (In Russian).
8. Ransjer, Zh. (2004) *Eстетическое бессознательное* [The Aesthetic Unconscious]. Sost., per. s frants. i poslesl. V. E. Lapitskogo [comp., transl. from French and afterword by V. E. Lapitsky]. Sankt-Peterburg; Moskva: Machina. (In Russian).
9. Rikjer, P. (1995) *Konflikt interpretatsij. Oчерки о герменевтике* [Interpretation Conflict. Essays on Hermeneutics]. Moskva: Akademiya-Tsentr; Medium. (In Russian).

Об авторе

Демидова Ольга Ростиславовна, доктор философских наук, профессор кафедры философии, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация. ORCID ID: 0000-0003-2281-4059. e-mail: ord55@mail.ru

About the author

Ol'ga R. Demidova, Dr. Sci. (Philos.), Professor, Pushkin Leningrad State University, Philosophy Department, Sankt-Peterburg, Russian Federation. ORCID ID: 0000-0003-2281-4059. e-mail: ord55@mail.ru

Поступила в редакцию: 25.06.2023
Принята к публикации: 28.07.2023
Опубликована: 18.09.2023

Received: 25 June 2023
Accepted: 28 July 2023
Published: 18 September 2023